

Разборъ и опроверженіе догматическихъ заблужденій пашковцевъ.

(Окончаніе). *).

IV.

Отрицая значеніе молитвеннаго ходатайства за насъ святыхъ небожителей, отрицая самую святость ихъ въ смыслѣ дѣйствительной нравственной чистоты и богоуподобленія, а считая ихъ праведность лишь слѣдствіемъ прощенія грѣховъ ихъ Богомъ, — протестанты (а за ними — и ученики ихъ, наши сектанты) естественно отвергаютъ и весь культъ святыхъ, который неизмѣнно содержитъ наша православная Церковь при своихъ, прямо противоположныхъ протестантскимъ, воззрѣніяхъ на отношеніе къ намъ небесныхъ праведниковъ. Вѣра въ силу ихъ предстательства предъ Богомъ побуждастъ насъ обращаться къ нимъ *съ молитвою* о помощи и заступленіи; а сознаніе ихъ высокаго нравственнаго совершенства и близости къ Богу обязываетъ насъ *читать* ихъ, какъ угодниковъ и друзей Божіихъ, какъ носителей божественной благодати, и выражать это почтеніе не внутреннимъ только, но и внѣшнимъ образомъ — поклоненіемъ имъ, созиданіемъ храмовъ и гробницъ, почитаніемъ св. мощей и священ. изображеній ихъ (иконъ).

Всѣ эти частныя стороны православнаго культа, не смотря на ихъ глубокія догматическія и историческія основанія, рѣшительно отвергаются нашими пашковцами, какъ противныя будто бы ясному ученію Св. Писанія и несогласныя съ соображеніями здраваго разума. Къ разбору доводовъ, выставляемыхъ противниками культа святыхъ, мы теперь и обратимся.

*) См. „Богослов. Вѣст.“, Февраль, 1893.

А)

Общеніе со святыми небожителями можетъ выражаться съ нашей стороны не иначе, какъ въ формѣ молитвеннаго къ нимъ обращенія и поклоненія. Это само собою вытекаетъ изъ самаго характера и сущности нашихъ отношеній къ нимъ. Мы — или просимъ ихъ о ходатайствѣ и заступленіи предъ Богомъ, или благодаримъ за полученную отъ нихъ благодатную помощь, или — наконецъ — прославляемъ ихъ высокія совершенства и подвиги, совершенные ими при помощи благодати Божіей во славу Божию. Прошеніе, благодареніе и славословіе суть три вида молитвеннаго обращенія, которыми исчерпываются всѣ наши отношенія къ святымъ. А сопровождающее эти отношенія представленіе о неизмѣримомъ нравственномъ превосходствѣ предъ нами св. угодниковъ, какъ друзей Божіихъ, достигшихъ непосредственнаго лицезрѣнія и общенія съ Богомъ, сильныхъ испросить божественныя милости всѣмъ, съ вѣрою и любовію притекающимъ къ ихъ посредству, — побуждастъ насъ соединять съ молитвою поклоненіе имъ, которое является выраженіемъ нашего благоговѣнія предъ ихъ духовнымъ величіемъ и вмѣстѣ — смиреннаго желанія встать подъ ихъ сильное покровительство.

Итакъ, коль скоро признанъ въ принципѣ фактъ живой связи и общенія нашего съ святыми небожителями, необходимо должна быть признана и единственно возможная форма выраженія нашихъ отношеній къ нимъ, — форма *молитвеннаго поклоненія*. Между тѣмъ наши протестантствующіе сектанты, въ основѣ отрицающіе взаимообщеніе между Церковію земною и небесною, естественно отвергаютъ и способы выраженія этого общенія. Въ частности, молитвенное поклоненіе святымъ они прямо объявляютъ враждой противъ Бога, и въ подтвержденіе такого строгаго приговора приводятъ цѣлый рядъ библейскихъ свидѣтельствъ ¹⁾. — Во главѣ этихъ свидѣтельствъ ставится извѣстное мѣсто изъ кн. Второзаконія (6, 13), повторенное Спасителемъ въ отвѣтъ искусителю-сатанѣ: „Господу Богу твоему покла-

¹⁾ „Богослов. Вѣст.“. Апр. 1892 г., стр. 130–131 (грѣхъ 6-й).

найся, и Ему *одному* служи“ (Лук. 4, 8; Мѣ. 4, 10). Если въ этомъ изреченіи есть хоть нѣкоторый видъ доказательства (когда желаютъ придать ему такой же смыслъ исключительности, какъ и разсмотрѣнному нами въ своемъ мѣстѣ выраженію апостола о „*единомъ* Ходатаѣ“, 1 Тим. 2, 5); то рядъ дальнѣйшихъ текстовъ, набранныхъ пашковцами для вящаго изобличенія православныхъ, не имѣеть и этой кажущейся убѣдительности и вообще не стоитъ въ прямомъ отношеніи къ предмету разногласія сектантовъ съ нами. Тутъ—или просто высказывается та положительная мысль, что Богу, Творцу и Промыслителю вселенной, всѣ твари должны воздавать достойное поклоненіе; или же—къ этой самоочевидной истинѣ присоединяется еще то отрицательное положеніе, что божескаго поклоненія отнюдь не должно воздавать идоламъ и ложнымъ богамъ. Понятно, что подводить православный догматъ о поклоненіи святымъ подъ судъ перваго рода свидѣтельствъ—неосповательно, а подъ судъ втораго, по меньшей мѣрѣ,—дерзко.

Обратимся, однако, ближе къ разъясненію недоразумѣній, изъ-за которыхъ спорять съ нами здѣсь пашковцы. Если споръ этотъ желаютъ они вести не о словахъ, а о самой сущности дѣла, то раскрыть истину не трудно. Понятіе поклоненія само по себѣ—совершенно невинное понятіе, и дѣйствіе, имъ обозначаемое, слишкомъ употребительно даже въ обыкновенныхъ отношеніяхъ людей между собою. Почтеніе къ тѣмъ, кто внушаетъ намъ уваженіе своимъ авторитетомъ,—личное расположеніе и любовь къ другимъ, которые связаны съ нами болѣе или менѣе интимными узами,—смирненная просьба о помощи или снисхожденіи предъ тѣми, отъ кого зависитъ наше благосостояніе, —страхъ предъ сильными и власть имущими, раскаяніе предъ обиженными—и многія другія подобныя чувства, возбуждаемыя обыденными сношеніями съ ближними, часто находятъ у насъ выраженіе въ поклонѣ предъ людьми. И однако едва ли придетъ кому на умъ обвинять насъ за это внѣшнее дѣйствіе въ какомъ-нибудь грѣхѣ или восхищеніи чести, принадлежащей Богу. Дѣйствіе поклоненія, какъ такое, само по себѣ совершенно безразлично и не заслуживаетъ ни похвалы, ни порицанія; такое или иное моральное значеніе получаетъ оно лишь отъ внутренняго душевнаго на-

строснiя, выраженiемъ котораго служить. Поклоненiе, которымъ сопровождаются наши обращенiя къ Богу, дѣйствительно получаетъ значенiе исключительнаго, высочайшаго акта, но лишь по своему внутреннему смыслу или по своей связи съ тѣмъ исключительнымъ душенастроенiемъ, какое имѣемъ мы при обращенiи къ Существу Высочайшему. Чувства любви, благоговѣнiя, страха, надежды, раскаянiя и т. п., выраженiемъ которыхъ является наше поклоненiе Богу, поскольку они относятся къ Существу Безконечному, и сами безконечно возвышаются надъ обычными чувствами подобнаго же рода. Лежащее въ глубинѣ нашего духа сознанiе безусловной зависимости отъ Бога, нашего тварнаго ничтожества предъ Всемогущимъ Творцомъ, нашихъ несовершенствъ и недостойнства предъ Всесвятымъ и Премилосердымъ Благодѣтелемъ — сообщаетъ всѣмъ чувствамъ и отношенiямъ нашимъ къ Богу характеръ исключительной высоты и несоизмѣрности. Какъ содержанiе нашихъ молитвенныхъ обращенiй къ Богу, такъ и честь, воздаваемая при этомъ поклоненiемъ, не имѣютъ ничего общаго съ подобными же отношенiями къ существамъ тварнымъ. Мы возсылаемъ къ Богу прошенiя, благодаренiя и славословiя, какъ Владыкѣ неба и земли, какъ единому Источнику и Подателю всѣхъ благъ и самаго бытiя нашего, — и свою молитву запечатлѣваемъ благоговѣйнымъ поклоненiемъ, которое, служа внѣшнимъ выраженiемъ единственныхъ по своей высотѣ мыслей и чувствъ, и само получаетъ отъ того значенiе дѣйствiя исключительнаго. Отсюда, всякое молитвенное обращенiе къ твари, какъ Богу, есть величайшiй грѣхъ богоотступничества, и всякое молитвенное поклоненiе твари, какъ Богу, есть недостойное восхищенiе славы Божiей или идолопоклонство. — Это-то преступное обоготворенiе твари чрезъ воздаянiе ей чисто божескихъ почестей, и имѣютъ въ виду всѣ тѣ мѣста Св. Писанiя, которыя рѣшительно запрещаютъ воздавать божественное поклоненiе кому-либо, кромѣ единаго истиннаго Бога. Классическiй въ этомъ отношенiи текстъ, — Лук. 4, 8: — Втор. 6, 13, — и въ ветхозавѣтномъ и въ новозавѣтномъ его употребленiи имѣетъ именно такой смыслъ. Заповѣдь о служенiи (и слѣд. поклоненiи) единому Богу, данная евреямъ въ кн. Второзаконiя, сопровождается слѣдующими словами,

не оставляющими никакого сомнѣнія на счетъ истиннаго ея значенія: „не послѣдуйте инымъ богамъ, богамъ тѣхъ народовъ, которые будутъ вокругъ васъ“ (Втор. 6, 14). Служеніе „богамъ инымъ“ вмѣсто Бога истиннаго, т. е. воздаяніе божескихъ почестей твари, или языческое идоло-служеніе,—вотъ что запрещаетъ эта заповѣдь. Повторенная въ новомъ завѣтѣ устами Самого Господа, она имѣетъ тотъ же смыслъ. Искуситель-сатана, лживо выставляя себя властителемъ всей вселенной и распорядителемъ ея судебъ (Лук. 4, 6), т. е. усволя себѣ чисто божественное могущество и власть, требовалъ отъ Спасителя и соотвѣтственнаго (именно—божескаго же) поклоненія себѣ. Такъ понявъ искусительное предложеніе Христосъ и потому отвѣтилъ рѣшительнымъ отрицаніемъ воздать божескую честь твари: „отойди отъ Меня, сатана; написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи“ (Лук. 4, 8).

Что божеское поклоненіе принадлежитъ исключительно одному Богу, что воздаяніе такой чести существамъ тварнымъ есть величайшій грѣхъ идолопоклонства,—это и изъ разсмотрѣнныхъ сейчасъ библейскихъ свидѣтельствъ, и изъ множества другихъ подобныхъ же мѣстъ Св. Писанія ясно до очевидности. Но говорить ли все это что-нибудь противъ того вида молитвеннаго поклоненія, какое мы православные воздаемъ святымъ небожителямъ? Рѣшительно нѣтъ. Ни внутренній смыслъ нашихъ молитвъ къ св. небожителямъ, ни чувство благоговѣнія, выраженіемъ котораго является молитвенное поклоненіе имъ, не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что можно бы назвать умаленіемъ чести и славы Божіей. Мы обращаемся съ молитвою къ святымъ, только какъ къ друзьямъ Божиимъ, которые — при своей духовной близости къ единому Подателю всѣхъ благъ — сильны испросить намъ отъ Него эти блага. Здѣсь нѣтъ и тѣни того чувства безусловной зависимости, того исключительнаго благоговѣнія и священнаго трепета передъ всемогуществомъ, всеблагостію и другими безконечными совершенствами, какое необходимо присуще всякому молитвенному обращенію нашему къ Богу. Здѣсь есть только братская любовь, на которой зиждутся всѣ наши отношенія къ святымъ угодицамъ, единосущнымъ намъ по природѣ, хотя и несравненно высшимъ по нравственной чистотѣ. Это

сознаніе тварности небесныхъ братій нашихъ, а слѣд. безконечнаго разстоянія ихъ отъ Бога по существу и ограниченности по дѣйствіямъ, сообщаетъ и нашему поклоненію имъ смыслъ и характеръ дѣйствія, не имѣющаго совсѣмъ ничего общаго съ богопоклоненіемъ. Мы покланяемся имъ, какъ достигшимъ нравственнаго совершенства, какъ избраннымъ сосудамъ божественной благодати, какъ друзьямъ Божиимъ, какъ молитвенникамъ и ходатаямъ нашимъ предъ Богомъ. Всѣ эти мотивы объединяются въ одномъ общемъ, — въ сознаніи близости святыхъ къ Богу, которое собственно и обязываетъ насъ воздавать имъ почести; такъ что мы кланяемся имъ *ради* Бога, ради близкихъ отношеній ихъ къ Нему. А отсюда само собой понятно, что честь, воздаваемая святымъ, въ своемъ послѣднемъ основаніи относится къ Богу, *дивному во святыхъ Своихъ* (Псал. 67, 36), и потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа униженіемъ или оскорбленіемъ славы Божіей, а наоборотъ — прямымъ ея возвеличеніемъ. Святые „покланяемы бываютъ“ — справедливо разсуждаетъ Стефанъ Яворскій, — „не яко по естеству быти имъ покланяемымъ, но яко того, иже по естеству есть покланяемый, въ себѣ содержатъ: по подобію желѣза разженнаго, еже не отъ естества своего есть неприкосновенно и палящее, но яко причастно есть огню, паленія естество имущему... Шокланяемся убо святымъ, яко самъ Царь почитается, егда видитъ слугу своего любимаго, не яко Царя, но яко служителя и друга своего почитаема“¹⁾.

Въ такомъ смыслѣ понимаемое, поклоненіе святымъ имѣетъ за себя ясныя свидѣтельства въ томъ же св. Писаніи, которое со всею рѣшительностью запрещаетъ воздавать божеское поклоненіе кому-либо кромѣ единаго истиннаго Бога. Иисусъ Навинъ, увидѣвъ близъ Іерихона челоувѣка съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ и узнавъ, что это — „вождь воинства Господня, ... *палъ лицемъ своимъ на землю, и поклонился*, и сказалъ ему: что господина мой скажетъ рабу своему“? (Ис. Нав. 5, 13—14). И это поклоненіе не вызвало никакого обличенія со стороны явившагося архангела, такъ какъ оно было выраженіемъ почести, вполне приличествовавшей ему, какъ вѣстнику Бо-

¹⁾ „Кам. Вѣры“, I, 129—130.

жію. — Сыны пророческіе въ Іерихонѣ, увидѣвъ пророка Елисея, возвращавшагося послѣ вознесенія Іліи, сказали: „почилъ духъ Іліи на Елисеѣ;—и пошли навстрѣчу ему, и *поклонились ему до земли*“ (4 Цар. 2, 15). И этотъ способъ выраженія почитанія къ носителю духа благодати, унаслѣдованнаго отъ великаго Іліи, не заслужилъ никакого осужденія, потому что вполнѣ соотвѣтствовалъ духовному величію избранника Божія. Наоборотъ, неуваженіе къ тому же прор. Елисею, обнаруженное малолѣтними дѣтьми веилльскими, навлекло на нихъ страшную смертную кару (тамъ же, ст. 23—24). Всѣхъ многочисленныхъ библейскихъ мѣстъ (напр. Псал. 115, 6; Лук. 1, 48; Іоан. 17, 22 и др.), свидѣтельствующихъ или заповѣдующихъ почитаніе святыхъ, мы не считаемъ нужнымъ перечислять. Для разъясненія недоразумѣній, основанныхъ лишь на словахъ, вполнѣ достаточно и вышеприведенныхъ, *буквально* утверждающихъ именно тотъ родъ почитанія (поклоненія), противъ котораго возстаютъ съ такимъ ожесточеніемъ отщепенцы наши—пашковцы.

Какъ бы чувствуя неосновательность своихъ нападеній въ разсмотрѣнномъ сейчасъ направленіи, противники наши усиливаются обвинить насъ въ дѣйствительно тяжкомъ преступленіи противъ Бога, лживо перетолковывая уже не внѣшнее дѣйствіе поклоненія, а самый внутренній смыслъ нашего молитвеннаго обращенія къ святымъ... „Всякій человѣкъ“,—говорится въ пашковской рукописи,—„кто бы онъ ни былъ, но если онъ обращается въ молитвѣ къ Пресвятой Дѣвѣ Маріи и говоритъ: Пресвятая Богородице, спаси насъ,—то тотъ человѣкъ становится врагомъ Богу, такъ какъ въ св. Писаніи прямо и ясно сказано: ибо нѣтъ другаго имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ надлежало бы намъ спастись“ (Дѣян. 4, 12)¹⁾. Смыслъ тяжкаго упрека, обращеннаго здѣсь къ православнымъ, ясенъ; но и неосновательность этого упрека тоже не нуждается въ большихъ разъясненіяхъ. Здѣсь опять—придирка къ слову безъ желанія понять истинное его значеніе. Формула обращенія къ Богоматери, отмѣченная пашковцами, дѣйствительно часто употребляется въ молитвословіяхъ па-

¹⁾ Богосл. Вѣстн., стр., стр. 130 (грѣхъ 5-й).

шей Церкви; но заключаетъ ли она въ себѣ что-нибудь похожее на тотъ смыслъ, противъ котораго вооружаются наши сектанты? Взывая къ Богоматери: „Пресвятая Богородице, спаси насъ“,—приписываемъ ли мы Ей самодовлѣющую силу спасать людей, т. е. приравниваемъ ли Ее Богу, единому Виповнику и Подателю человѣческаго спасенія? Отпюдь иѣтъ. Глаголь „спасать“ выражаетъ собою очень широкое понятіе, и въ самомъ Св. Писаніи употребляется не только въ отношеніи къ Богу, но и къ людямъ. Такъ, ап. Іаковъ замѣчаетъ, что „обратившій грѣшника отъ ложнаго пути его *спасетъ* душу отъ смерти и и покроетъ множество грѣховъ“ (Іак. 5, 20). Ап. Іуда даетъ такой совѣтъ своимъ читателямъ: „къ однимъ будьте милостивы, съ разсмотрѣніемъ; а другихъ страхомъ *спасайте*“ (Іуд. 22—23). „Не возбужу ли ревности въ сродникахъ моихъ по плоти, и не *спасу* ли нѣкоторыхъ изъ нихъ“? спрашиваетъ ап. Павелъ въ посл. къ Римл. (11, 14): Онъ же въ посл. къ Коринѣ., разсуждая о брачныхъ отношеніяхъ вѣрующихъ съ невѣрными, обращается къ первымъ съ слѣдующимъ вопросомъ: „почему ты знаешь, жена, не *спасешь* ли мужа? Или ты, мужъ, почему знаешь, не спасешь ли жены“? (1 Кор. 7, 16). Говоря въ томъ же посланіи о своихъ апостольскихъ трудахъ и разныхъ способахъ воздѣйствія на людей, примѣнительно къ особенностямъ ихъ духовнаго склада, апостоль замѣчаетъ: „для всѣхъ я сдѣлался всѣмъ, чтобы *спасти* по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ“ (1 Кор. 9, 22). Ученику своему Тимоою св. Апостоль даетъ между прочимъ слѣдующее назиданіе: „вникай въ себя и въ ученіе; занимайся симъ постоянно: ибо, такъ поступая, и себя *спасешь* и слушающихъ тебя“ (1 Тим. 4, 16).

Совокупности приведенныхъ сейчасъ библейскихъ указаній вполне достаточно, чтобы оправдать форму церковнаго обращенія къ Богоматери, такъ соблазняющую нашихъ противниковъ. По свидѣтельству св. Писанія, даже люди, живущіе здѣсь на землѣ, имѣютъ возможность и силу спасать своихъ ближнихъ. Что это значить? Совершаетъ, или—точнѣе—завершаетъ дѣло спасенія только Богъ; ибо спасеніе, какъ совершившійся фактъ, есть ничто иное, какъ приобщеніе Богу или блаженное единеніе съ Нимъ; но

устраиваетъ спасеніе или приготовляетъ себя къ нему. самъ челоѣкъ своею свободною волей, хотя и не безъ помощи и руководства благодати Божіей. Отсюда все, кто направляютъ и утверждаютъ его волю на пути ко спасенію — словомъ назиданія, добрымъ примѣромъ, молитвою къ Богу и пр.,—содѣйствуютъ его спасенію; и если это содѣйствіе настолько существенно и сильно, что обуславливаетъ самую возможность спасенія, то прямо—спасаютъ его. Въ такомъ именно смыслѣ приписывали св. апостолы себѣ и своимъ ближайшимъ ученикамъ силу спасать вѣрующихъ, т. е. своими наставленіями, примѣромъ жизни и другими способами попеченія о душахъ—приготовлять ихъ въ достойные сосуды благодати Божіей и черезъ то приводить ихъ къ блаженной жизни съ Богомъ.

Кто имѣетъ въ виду библейское употребленіе слова „спасать“ въ смыслѣ сойчасъ разъясненномъ, тотъ можетъ ли серьезно упрекать насъ въ какой-то враждѣ противъ Бога за то, что мы обращаемся къ Богородицѣ съ молитвою о спасеніи? Чье содѣйствіе нашему спасенію можетъ быть сильнѣе содѣйствія Матери нашего Спасителя? ибо чье предстательство о насъ къ Богу можетъ быть дѣйственнѣе предстательства Матери Божіей? Имѣнно то сознаніе, что „молитва матерняя много можетъ ко благосердію Владыки“, и побуждаетъ насъ просить Богородицу о Ея заступленіи и содѣйствіи нашему спасенію. А если такъ, то ясно, что не безбожную мысль о равночестіи Пресвятой Дѣвы съ Богомъ и не признаніе за Нюю чисто божеской власти и силы *совершать* спасеніе людей — выражаемъ мы въ соблазнительной для нашихъ противниковъ формулѣ обращенія къ Ней, а лишь глубокое убѣжденіе въ силѣ Ея ходатайства за насъ предъ единымъ Спасителемъ нашимъ, Богомъ. Съ ясностью, не поддающеюся перетолкованіямъ, православныя воззрѣнія по этому вопросу высказываются въ другомъ церковномъ молитвословіи къ Божіей Матери: „спаси отъ бѣды рабы твоя, Богородице, яко вси *по Бозѣ* къ Тебѣ прибѣгаемъ, яко нерушимѣй стѣпѣ и *предстательству*“. *Послѣ Бога*, Которому одному принадлежитъ власть спасать и подавать все блага тварямъ, прибѣгаемъ мы къ Богородицѣ, не какъ къ самодовлѣющему источнику божественныхъ ми-

лостей, а какъ къ мощной *предстательницѣ* нашей предъ Богомъ.

Б)

Разбирая одно за другимъ заблужденія нашихъ сектантовъ и обнаруживая ихъ полную несостоятельность предъ судомъ Св. Писанія и здраваго разума, мы подошли теперь къ такого рода пререканіямъ, которыя имѣютъ большій видъ основательности сравнительно съ другими и способны возбудить дѣйствительно серьезныя недоумѣнія, пока не даны на нихъ достаточныя разъясненія. Разумѣемъ возраженія пашковцевъ, направленныя противъ православныхъ догматовъ о почитаніи св. мощей и священныхъ изображеній (иконъ). Эти догматы не имѣютъ, по видимому, за собой такихъ рѣшительныхъ, въ формѣ предписаній или заповѣдей выраженныхъ, свидѣтельствъ Слова Божія, какъ другіе, оспариваемые нашими противниками, пункты православной догматики. И это обстоятельство сбиваетъ съ толку не однихъ пашковцевъ, но и многихъ другихъ слабыхъ въ вѣрѣ, ничего общаго съ ними не имѣющихъ. Однако, если почитаніе св. мощей и иконъ не заповѣдуется въ Библии прямо, то косвенныя оправданія оно имѣетъ и здѣсь, а главное—оно является естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ тѣхъ отношеній нашихъ къ св. небожителямъ, какія — на твердыхъ библейскихъ основаніяхъ — исповѣдуетъ Церковь православная.

Живая связь съ высшимъ, духовнымъ міромъ св. небожителей, обязывающая насъ къ молитвенному поклоненію и почитанію ихъ, какъ друзей Божіихъ и нашихъ заступниковъ,—обязываетъ съ тѣмъ вмѣстѣ воздавать почтеніе и вещественнымъ останкамъ, съ которыми они во время земной жизни имѣли и по отшествіи отъ земли не перестаютъ имѣть тѣснѣйшее общеніе. Таковы, прежде всего и главнымъ образомъ, останки тѣлесъ или св. мощи угодниковъ Божіихъ. Какъ составная часть существа, какъ носитель и ближайшій сотрудникъ великаго духа, въ немъ обитавшаго на землѣ, тѣло святаго уже на этомъ одномъ основаніи достойно почитанія со стороны тѣхъ, кто имѣетъ долгъ чтить переселившуюся въ горній міръ душу его. Но

кромѣ того, св. мощи заслуживаютъ благоговѣйнаго почитанія и по своему собственному достоинству, т. е. не только какъ останки людей, прославившихъ себя высокими подвигами и добродѣтелями, но и сами по себѣ, какъ дѣйствующіе источники благодатныхъ даровъ, черезъ нихъ посылаемыхъ свыше. Если тѣла всѣхъ христіанъ, по ученію апостольскому, священны, какъ „члены Христовы“ и какъ „храмы живущаго въ нихъ Святаго Духа“ (1 Кор. 6, 15 и 19); то тѣла прославленныхъ угодниковъ Божіихъ не перестаютъ быть таковыми и по разлученіи съ ихъ святыми душами, такъ какъ внутренняя, таинственная связь между ними этимъ видимымъ и временнымъ раздѣленіемъ не разрушается. Самое нетлѣніе св. мощей, т. е. изытіе ихъ изъ общаго закона всего вещественнаго, есть разительное свидѣтельство присутствія въ нихъ божественной благодати и живаго общенія ихъ съ переселившимися на небо душами, которыя не перестаютъ пользоваться ими, какъ органами или посредниками при низведеніи божественныхъ милостей всѣмъ, съ вѣрою и любовію притекающимъ къ нимъ и почитающимъ ихъ.

Этотъ преимущественно фактъ,—фактъ нетлѣнія св. мощей, какъ видимый знакъ присущей имъ невидимой благодатной силы и какъ твердое основаніе для нашего почитанія ихъ, и служить камнемъ претыканія и предметомъ глумленія со стороны пашковцевъ и имъ подобныхъ отрицателей. Лучшимъ способомъ вразумленія нашихъ противниковъ въ этомъ пунктѣ ихъ лжеученія было бы, конечно, указаніе на самый фактъ чудснаго сохраненія св. мощей и на несомнѣнныя историческія свидѣтельства о случаяхъ дѣйствительнаго полученія высшей благодатной помощи черезъ ихъ посредство. Но такъ какъ признаніе чуда требуетъ извѣстной степени вѣры, или—по крайней мѣрѣ—непредубѣжденнаго отношенія къ дѣлу, чего не вправѣ ожидать мы отъ упорныхъ противниковъ церковной вѣры, свидѣтельства же церковной исторіи въ ихъ глазахъ и вовсе не имѣютъ значенія; то для борьбы съ ихъ заблужденіемъ намъ по необходимости остается воспользоваться тѣмъ только оружіемъ, съ которымъ сами они выступаютъ противъ нашего догмата,—оружіемъ библейско-догматическимъ.

„Почитаніе мощей петлѣнными есть вражда противъ Бога“. Это общее положеніе, столь рѣшительно высказанное; пашковцы обосновываютъ на нѣсколькихъ библейскихъ текстахъ, изъ коихъ одни утверждаютъ, что тлѣніе есть общій законъ человѣческихъ тѣлъ, положенный для нихъ Самимъ Творцомъ еще въ лицѣ согрѣшившаго прародителя; другіе свидѣтельствуютъ, что изъ этой общей участи не были изъяты и тѣла нѣкоторыхъ праведниковъ, какъ Давида (Дѣян. 13, 36) и Лазаря (Іоан. 11, 39) ¹⁾. Если божественный приговоръ Адаму: „прахъ ты, и въ прахъ возвратишься“ (Быт. 3, 19)—имѣетъ безусловную силу въ отношеніи ко всѣмъ его потомкамъ, то отмѣна этого приговора относительно нѣкоторыхъ людей невозможна, ибо она ставила бы Бога въ противорѣчіе съ Самимъ Собою. Но если даже допустить, что по какимъ-либо основаніямъ она и была бы возможна для праведниковъ, то все же остается непонятнымъ, почему бы такое преимущество давалось только нѣкоторымъ изъ нихъ, а не всѣмъ безъ исключенія. Таковъ внутренній смыслъ пашковскихъ возраженій противъ нашего догмата о петлѣнии св. мощей.

Что смерть и разрушеніе человѣческаго тѣла есть общій, Самимъ Богомъ установленный для насъ, законъ, — это истина, которая и въ св. Писаніи и въ свидѣтельствахъ ежедневнаго опыта имѣетъ неопровержимыя за себя доказательства. Но чтобы этотъ законъ не могъ допускать рѣшительно никакихъ исключеній,—этого отнюдь нельзя утверждать, при правильномъ представленіи объ отношеніяхъ Бога къ міру и при надлежащемъ вниманіи къ свидѣтельствамъ Библіи.

Нетлѣніе св. мощей, какъ явленіе исключительное, не вытекающее изъ естественныхъ, извѣстныхъ намъ причинъ, имѣетъ всѣ признаки истиннаго чуда. Но кто не отдѣляетъ Бога отъ міра непроходимую бездной, кто признаетъ непрестанно дѣйствующій міроправящій Промыслъ Божій, — тотъ можетъ ли хоть на минуту усумниться въ возможности чудесъ? Божественное всемогущество, установившее законы вселенной и сохраняющее ихъ, — не нарушая и не отмѣняя ихъ общаго теченія, можетъ производить изъятія изъ нихъ

¹⁾ См. Бог. Вѣст., стр. 129 (грѣхъ 3-й).

во всѣхъ тѣхъ частныхъ случаяхъ, когда они оказываются не въ состояніи выразить *особыхъ* намѣреній и цѣлей Божественнаго Промысла. Отрицать возможность такихъ дѣйствій, выходящихъ за предѣлы причинъ естественныхъ и совершаемыхъ непосредственно силою Божіей, значить — или не признавать живаго отношенія Бога къ міру, или же ставить всемогущую и всевободную волю Божію въ зависимость отъ условій тварнаго бытія, или — наконецъ — вообще ставить духъ въ безусловное подчиненіе слѣпой матеріи и ея механическимъ законамъ. Напрасно возражаютъ намъ, будто вмѣшательство Бога въ обычное теченіе міроваго порядка ставило бы Его въ противорѣчіе съ Самимъ Собою, предполагая въ Немъ какъ бы недовольство собственнымъ произведеніемъ. Ничего таково въ совершеніи чуда нѣтъ. Здѣсь нѣтъ переустройства или поправки общихъ законовъ вселенной, какъ бы несовершенныхъ или непригодныхъ въ отношеніи къ тѣмъ цѣлямъ, для какихъ они назначены Творцомъ. Тутъ есть лишь ограниченіе, измѣненіе или прекращеніе ихъ механическаго дѣйствія въ случаяхъ исключительныхъ, когда они оказываются недостаточными для выраженія особыхъ цѣлей божественнаго міроуправленія или несоотвѣтствующими духовно-нравственному состоянію разумныхъ существъ, обитающихъ въ условіяхъ матеріальнаго бытія. Законы міра физическаго, какъ и весь этотъ міръ, поставлены на службу человѣку и притомъ — приспособительно къ условіямъ его временнаго, подгрѣхознаго состоянія на землѣ. Но когда господство грѣха въ человѣкѣ прекращается, когда духъ человѣчскій въ своемъ стремленіи и приближеніи къ Богу получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ плотію съ ея земными тяготѣніями: тогда и законы вещества мало-по-малу теряютъ свою власть надъ человѣкомъ и могутъ, наконецъ, совсѣмъ прекратить свое дѣйствіе на него, если на то послѣдуетъ особая воля Божія. Чудо петлѣнія мощей въ своей возможности и обуславливается именно этою нравственною высотой святыхъ душъ, возвышающею и тѣлесные ихъ сосуды надъ общими условіями матеріальнаго бытія, а въ своей дѣйствительности — особымъ дѣйствіемъ всемогущества Божія, которому одному принадлежитъ распоряженіе законами нашего міра.

Кто имѣетъ хоть какое-нибудь довѣріе къ Св. Писанію

и не хочетъ упорно закрывать глаза передъ ясными его свидѣтельствами, тотъ не можетъ отрицать ни возможности чудеса вообще, ни въ частности—чудснаго изъятія тѣлъ святыхъ изъ общаго закона разрушенія. Тѣмъ удивительнѣе слышать это отрицаніе отъ пашковцевъ, которые такъ хвалятся своимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ Св. Писанію и глубокимъ его разумѣніемъ. Не видно, впрочемъ, да и нельзя предположить, чтобы пашковцы отвергали всякія чудеса, ибо это значило бы отвергнуть добрую половину уважаемой ими Библіи. Ихъ смущаетъ только одно чудо—нетлѣніе св. мощей—и смущаетъ потому, что является отступленіемъ отъ закона, Самимъ Богомъ установленнаго для всѣхъ человѣческихъ тѣлъ. А развѣ каждое чудо, по самому понятію о немъ, не есть такое же отступленіе отъ богоучрежденныхъ законовъ вселенной? Развѣ, напр., приостановка солнца и луны при Гаваонѣ (Ис. Нав. 10, 13—14) не была измѣненіемъ обычнаго Самимъ Богомъ установленнаго (Быт. 1, 16), теченія этихъ свѣтилъ небесныхъ? Развѣ чудесное воскрешеніе Лазаря (Іоан. 11, 44) и другіе многочисленные случаи упраздненія смерти всемогущею силою Божіей не представляютъ отступленія отъ прямой заповѣди, изреченной Богомъ всему роду человѣческому въ лицѣ его прародителя (Быт. 2, 17)?

Но если эти аналогіи покажутся не довольно убѣдительными для нашихъ противниковъ, то мы можемъ выставить имъ на видъ прямая показанія Св. Писанія о двухъ чудесныхъ случаяхъ изъятія тѣлъ человѣческихъ не только отъ тлѣнія, но и отъ самой смерти. Взятіе живыми на небо праведныхъ Эноха (Быт. 5, 24) и Или (4 Цар. 2, 11) не есть ли разительнѣйшее доказательство того, что святые угодники, по дѣйствию божественнаго всемогущества, могутъ не увидѣть твѣпія (Псал. 15, 10)? Здѣсь дано рѣшительное опроверженіе того принципиальнаго положенія, на которомъ стоятъ пашковцы въ своемъ отрицаніи православнаго догмата. Общечеловѣческой законъ смерти и тѣлеснаго разрушенія, какъ оказывается, вовсе не имѣетъ той безусловной силы, какую они хотятъ придавать ему. Библія ясно свидѣтельствуетъ объ исключеніяхъ изъ этого закона, производимыхъ Самимъ Законоположителемъ.—Тѣмъ естественнѣе подобныя исключенія для христіанскихъ пра-

ведниковъ, спасенныхъ вѣрою въ Искупителя. Христосъ Своею смертію поправилъ смерть. И если это временное наказаніе еще продолжаетъ тяготѣть надъ искупленнымъ человечествомъ, такъ какъ рѣшительное освобожденіе отъ него отсрочено до конца нашего міра; то все таки нельзя уже сомнѣваться въ томъ, что Богъ можетъ и прежде дня суднаго уничтожить въ какомъ-либо святомъ и самую побѣжденную смерть и слѣдствіе ея—тлѣніе. Самъ Воскресшій Господь отнялъ всякія сомнѣнія относительно такой возможности, когда на вопросъ ап. Петра о евангелистѣ Іоаннѣ отвѣтилъ: „если Я хочу, чтобы онъ пребылъ, пока прійду; что тебѣ до того“ (Іоан. 21, 22)?

Возраженіе противъ чудеснаго нетлѣнія св. мощей еще могло бы имѣть нѣкоторый видъ убѣдительности, если бы было установлено, что божественная всемогущая сила не можетъ имѣть дѣятельнаго отношенія къ предметамъ неодушевленнымъ и что тѣла святыхъ, по разлученіи ихъ съ душами, остаются внѣ всякой связи и общенія съ этими послѣдними. Но утверждать этого рѣшительно нельзя, не противорѣча ясному ученію Слова Божія. Въ 4 кн. Царствъ повѣствуется, „что когда погребали одного человѣка, то погребавшіе, увидѣвъ полчище (враговъ-моавитянъ), бросили того человѣка въ гробъ Елисеевъ; и онъ при паденіи своемъ коснулся костей Елисея, и ожилъ, и всталъ на ноги свои“ (13, 21). Что скажутъ по поводу этого чуда противники почитанія св. мощей? какъ объясняютъ воскрешеніе мертвеца черезъ одно прикосновеніе къ костямъ человѣка Божія? откуда эта сила животворная у безжизненныхъ останковъ? Это — благодатная сила животворящаго божественнаго Духа, которою присполнены были святые угодники въ душахъ и тѣлесахъ своихъ при жизни, и которая остается дѣйственною и объединяющею эти части ихъ состава и по разлученіи ихъ смертію. Здѣсь — единственное разъясненіе тайны нетлѣнія св. мощей и чудотвореній, отъ нихъ источаемыхъ.

Но если такъ, то почему, — спрашиваютъ насъ противники, — не всѣ святые сподобляются отъ Бога великаго дара нетлѣнія. Почему праведники (какъ Давидъ и Лазарь), богоугодная жизнь которыхъ несомнѣнно засвидѣтельствована, не удостоены однако этого дара? Разрѣшить это не-

доумѣніе можно только устранивши его, показавши его неумѣстность. Оно вытекаетъ изъ того ложнаго предположенія, будто нетлѣніе есть прямое и естественное слѣдствіе человѣческой праведности, а не чудо божественнаго всемогущества, каково оно на самомъ дѣлѣ. Между святостію человѣка и нетлѣніемъ его тѣла нѣтъ необходимаго причиннаго соотношенія. Святость или духовное совершенство есть личное, свободное дѣло души, стремящейся къ богоуподобленію и достигающей цѣли своихъ стремленій въ непосредственномъ лицезрѣніи Бога и блаженномъ единеніи съ Нимъ. Между тѣмъ нетлѣніе тѣла, — поскольку оно предполагаетъ ограниченіе, общеміровыхъ законовъ, — не можетъ быть результатомъ стремленій тварной воли, а лишь особымъ дѣйствіемъ всемогущаго Распорядителя вселенной. Оно не можетъ быть разсматриваемо и какъ необходимая награда отъ Бога за праведность или святость человѣческую; ибо, съ одной стороны, святая, добродѣтельная жизнь (какъ мы знаемъ) вовсе не есть *заслуга* наша предъ Богомъ, а съ другой—она имѣетъ своимъ предметомъ вѣчно спасеніе души и въ достиженіи этой цѣли (душею же) находитъ свое полное завершеніе. Говоря вообще, для нетлѣнія св. мощей нѣтъ достаточной причины въ условіяхъ жизни и дѣятельности самихъ людей, сподобляемыхъ такого дара. Эта причина—и опредѣляющая и дѣйствующая—лежитъ всецѣло въ Богѣ, Который, сохраняя тѣла святыхъ, употребляетъ ихъ орудіями обнаруженія Своей силы и Своихъ благодѣяній.

А если такъ, если св. мощи пребываютъ въ нетлѣніи не потому, что онѣ суть тѣла святыхъ, а потому, что избраны Богомъ служить проводниками Его особыхъ благодатныхъ дѣйствій въ нашемъ мірѣ (хотя—разумѣется—избраны для этой цѣли предпочтительно передъ другими вещественными предметами по причинѣ освященія отъ Духа Св. и близкаго общенія съ ихъ святыми душами): то спрашивать, почему тѣла однихъ святыхъ нетлѣнны и источаютъ чудотворенія, а другихъ—нѣтъ, значитъ спрашивать о неисповѣдимыхъ судьбахъ промысла, или иначе—ставить вопросъ неумѣстный и даже дерзкій. Что для Своихъ чрезвычайныхъ откровеній въ мірѣ Богъ избираетъ такіа, а не иныя орудія—это тайна, непроницаемая для ума человѣ-

ческаго. И тѣ, кто требуютъ объяснить эту тайну въ отношеніи къ нетлѣннѣ св. мощей, пусть познаютъ неправильность своего требованія изъ слѣдующихъ обратныхъ вопросовъ, которые мы вправѣ предложить имъ на тѣхъ же основаніяхъ. Почему, напр., Энохъ и Илія, а не другіе какіе-либо люди, сподобились живыми перейти на небо? Почему Моисей, а не другой кто, поставленъ былъ Богомъ въ вожди и законодатели Израиля? Почему Соломону дана великая премудрость, а Сампсону необычайная крѣпость тѣлесная? Почему праведный старецъ Симеонъ, а не кто другой, получилъ отъ Духа Св. обѣтованіе не увидѣть смерти, прежде чѣмъ увидитъ Христа Господа? Почему Спаситель по воскресеніи Своемъ явился прежде Магдалинѣ, а не другому кому? и пр. и пр. Рядъ такихъ вопросовъ можно было-бы продолжить слишкомъ далеко, если бы уже и изъ приведенныхъ не была достаточно ясна вся несообразность подобной пытливости. Вмѣстѣ съ ап. Павломъ мы должны только признать, что благодатные дары Св. Духа многоразличны и подаются людямъ по Его благоизволенію различно: „одному дается Духомъ слово мудрости, другому слово знанія,.... иному вѣра; иному дары исцѣленій“.... и т. д. (1 Кор. 12, 8—11). А почему такъ, а не иначе распредѣляются эти дары между людьми,—о томъ мы не можемъ знать и должны вмѣстѣ съ тѣмъ же св. апостоломъ смиренно исповѣдовать свое безсиліе: „о, бедна богатства, и премудрости, и вѣдѣнія Божія! Какъ непостижимы судьбы Его и неизслѣдимы пути Его! ибо кто позналъ умъ Господень? или кто былъ совѣтникомъ Ему“? (Римл. 11, 33—34).

Естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ признанія св. мощей сосудами благодати Божіей и органами откровенія божественной силы въ мірѣ является въ нашей православной Церкви особое почитаніе этихъ сокровищъ, выражающееся кромѣ молитвеннаго передъ ними поклоненія и виѣшнимъ образомъ—устроеніемъ приличныхъ гробницъ для ихъ храненія и св. храмовъ на мѣстахъ ихъ упокоенія. Здѣсь—новый поводъ для пашковцевъ укорить насъ въ тяжкомъ религіозномъ преступленіи. Они подводятъ насъ подъ судъ извѣстной обличительной рѣчи Спасителя: „Горе вамъ, книжники и фарисси, лицемеры, что строите гроб-

пицы пророкамъ, и украшаете памятники праведниковъ, и говорите: если бы мы были во дни отцовъ нашихъ, то не были бы сообщниками ихъ въ пролитіи крови пророковъ. Такимъ образомъ вы сами противъ себя свидѣтельствуете, что вы сыновья тѣхъ, которые избили пророковъ“ (Мѡ. 23, 29—31: см. Лук. 11, 47—48). Но только при крайнемъ недоразумѣніи можно усмотрѣть въ этомъ евангельскомъ свидѣтельствѣ то, что хотятъ видѣть пашковцы, т. е. что „строеніе гробницъ въ память пророкамъ и прежде бывшимъ святымъ неугодно Господу, и даже противно Ему“¹⁾. Если бы не предупредили насъ противники, мы сами должны были бы привести этотъ библейскій текстъ и—конечно—не въ осужденіе себѣ, а прямо въ свое оправданіе. Въ самомъ дѣлѣ, слова Спасителя, прежде всего, содержать въ себѣ драгоцѣнное историческое свидѣтельство о существованіи въ то время обычая чтить останки св. угодниковъ Божіихъ—построеніемъ и украшеніемъ гробницъ для нихъ. И Господь вовсе не порицаетъ и не отвергаетъ этого благочестиваго обычая самого въ себѣ, а напротивъ — только возвышаетъ его внутренній смыслъ и значеніе, потемненное въ сознаніи современныхъ Ему носителей религіознаго культа. Его грозныя обличительныя слова направлены исключительно противъ лицемѣрнаго, показнаго уваженія книжниковъ и фарисеевъ къ останкамъ праведниковъ, безъ соотвѣтственнаго внутренняго благоговѣнія и искренней религіозной настроенности. Потомки убійцъ пророковъ, на словахъ осуждавшіе преступленія своихъ отцовъ, они на самомъ дѣлѣ имѣли такое же злобно-враждебное настроеніе къ избранникамъ Божіимъ, какъ и предки ихъ. Отъ сердецъдца Господа не скрыты были, конечно, богоубійственныя замыслы Его враговъ; и вотъ Онъ, — въ виду близости Своихъ страданій отъ тѣхъ, кто такъ хвастливо выставляли на видъ свое мнимое уваженіе къ праведникамъ,—открыто разоблачаетъ то глубокое противорѣчіе, какое лежитъ между этимъ наружнымъ уваженіемъ и внутреннимъ озлобленіемъ противъ Величайшаго Праведника, Самого Господа избитыхъ пророковъ и праведниковъ.—Таковъ внутренній смыслъ укоризненной рѣчи Спасителя къ

¹⁾ Богосл. Вѣстн., стр. 132 (грѣхъ 8-й).

лицемѣрнымъ строителямъ и украсителямъ пророческихъ гробницъ.

В)

Непоколебимыя историко-догматическія основанія, на которыхъ утверждается почитаніе св. мощей, даютъ съ тѣмъ вмѣстѣ опору и для другаго православнаго догмата—о почитаніи св. иконъ. Какъ скоро признано то общее положеніе, что благодатная сила Божія имѣетъ между предметами міра вещественнаго особыя органы для своихъ чрезвычайныхъ обнаруженій; то въ число этихъ органовъ должны быть включены и священные изображенія Бога и святыхъ Его. И это—столько же по силѣ таинственной связи, какая существуетъ между лицомъ изображаемымъ и вещественнымъ его отображеніемъ, сколько и по силѣ того отношенія, какое имѣетъ къ священнымъ изображеніямъ мы (люди), облеченные плотію, для которыхъ изображенія эти служатъ необходимымъ посредствомъ въ общеніи съ невидимымъ духовнымъ міромъ.

Богъ, какъ Существо высочайше свободное, можетъ конечно обнаруживать свои дѣйствія, гдѣ и какъ хочетъ. Но Его свобода есть вмѣстѣ и любовь, а свойство любви—обращаться по преимуществу къ тому, что ей пріятно. Обнимающій Собою предѣлы всего міра и Самъ неописуемый никакими предѣлами, Богъ сокращаетъ, такъ сказать, Свою безпредѣльную необъятность, обращаясь туда, гдѣ находится ограниченный пространствомъ предметъ любви Его; а гдѣ почіетъ любовь Его, тамъ, по свойству божескаго Существа, дѣйствуетъ и сила Его. Какіе же предметы на землѣ могутъ привлекать къ себѣ любовь Божию и быть орудіями божественной силы? Безъ сомнѣнія—тѣ, которые стоятъ въ тѣснѣйшемъ единеніи съ тварнымъ духомъ, стремящимся къ Богу, служа посредниками или помощниками въ этихъ стремленіяхъ къ богообщенію. Таковы прежде всего, какъ мы видѣли, св. тѣлеса, въ которыхъ обитали праведныя души, преисполненныя благодати и любви божественной и привлечія Божіе благоволеніе къ этимъ вещественнымъ сосудамъ своимъ, отпечатлѣвшимъ въ себѣ высокія свойства ихъ и черезъ нихъ, такъ сказать, одухо-

творившимся. Таковы, далѣе, тѣ вещественные предметы, которые были освящены частымъ употребленіемъ праведниковъ и черезъ самое прикосновеніе къ ихъ св. тѣламъ приобщились благодатной силы и сдѣлались проводниками ея, по ясному свидѣтельству Св. Писанія. Такъ, милоть Или, оставленная имъ Елисею, чудодѣйственно раздѣлила воды Иордана для перехода этому послѣднему пророку (4 Цар. 2, 14); платки и опоясанія ап. Павла, возлагавшіяся въ его отсутствіе на больныхъ и бѣсноватыхъ, исцѣляли недуги и прогоняли духовъ нечистыхъ (Дѣян. 19, 12). Таковыми же, наконецъ, должны быть признаны и *св. иконы*, или вещественныя изображенія ликовъ Господа и святыхъ Его. Правда, въ Словѣ Божіемъ не находимъ мы прямыхъ показаній ни о проявленіяхъ силы Божіей черезъ св. иконы, ни даже—о самомъ существованіи этихъ послѣднихъ—по той простой причинѣ, что при жизни св. писателей (первыхъ христіанскихъ святыхъ) естественно еще не могло быть ихъ священныхъ изображеній. Но зато въ исторіи Церкви имѣемъ мы многочисленныя и неоспоримыя тому доказательства; и если бы противники напи упорно и безосновательно не отвѣщивались отъ этихъ доказательствъ, они были бы безотвѣтны. Впрочемъ, и на почвѣ библейскихъ аналогій и чисто рacionales доводовъ православный догматъ имѣетъ за себя достаточно твердыя основанія.

Тому, кто сталъ бы отрицать достоинство св. иконъ на томъ соображеніи, что онѣ, какъ предметы внѣшніе для лицъ, на нихъ изображаемыхъ, не могутъ имѣть никакого къ нимъ отношенія, предложимъ мы вопросъ: а милоть Или, раздѣлившая Иорданъ,—„главотяжи и убрусцы“ Павла, исцѣлявшіе недужныхъ,—даже „тѣнь проходящаго Петра“ (Дѣян. 5, 15), своимъ осяненіемъ подававшая здравіе болящимъ, и т. под. вещественные предметы—какую связь имѣли съ самымъ существомъ святыхъ, что сдѣлались сосудами и проводниками благодатной силы Божіей? Если вещи матеріальныя становятся предметами особой любви божественной и органами силы Божіей не сами по себѣ, а вслѣдствіе отношеній ихъ къ личному духу, то отношеніе изображеній къ лицамъ изображаемымъ во всякомъ

случаѣ не менѣе существенно и близко, чѣмъ напр. отношеніе одежды или тѣни отъ тѣла—къ духу праведника.

Мы не могли бы, разумѣется, понять и уяснить, какимъ образомъ устанавливается взаимоотношеніе между св. небожителями и ихъ земными изображеніями, если бы не обратили вниманія на то значеніе, какое имѣютъ эти послѣднія для насъ, живущихъ на землѣ. Для насъ, облеченныхъ плотію и привыкшихъ все мыслить и представлять подъ условіями чувственности, крайне затруднительно возвыситься до живаго, непосредственнаго общенія съ міромъ духовнымъ, стоящимъ внѣ этихъ условій. Если и бываютъ мгновенія, когда умъ человѣческій въ священномъ порывѣ можетъ отрѣшиться отъ земнаго и возноситься изъ міра чувствъ въ мысленный, изъ конечнаго—въ безконечность; то, во 1-хъ, такіе экстатическіе порывы чрезвычайно рѣдки и возможны только для людей особо высокой духовной настроенности, а во 2-хъ, это такія состоянія, при которыхъ человѣкъ едва ли даже остается при своемъ сознаніи. При обыкновенномъ же состояніи нашъ умъ, въ своихъ представленіяхъ о божественномъ, необходимо долженъ имѣть какую-нибудь чувственную опору, на которой могъ бы остановиться, чтобы не потерять сознанія. При томъ же, въ стремленіи человѣка къ Богу не одинъ умъ долженъ въ немъ дѣйствовать, но должны принимать участіе и другія способности души, совсѣмъ не выходяція уже за предѣлы конечнаго и видимаго, —воображеніе и чувство. Даже самая плоть наша, какъ созданная Богомъ и Его только силою содержимая и живущая, должна необходимо участвовать въ благодарственныхъ порывахъ и возношеніяхъ духа къ Богу, какъ и участвовала она у нѣкоторыхъ св. мужей (Псал. 62, 2; 83. 3) ¹⁾. Все это создаетъ для насъ неотложную потребность въ чувственныхъ образахъ, которые служили бы пособіемъ и опорой для нашей духовно-чувственной природы въ ея стремленіяхъ къ міру горнему. Такими образами, наиболѣе соотвѣтственными и приличными, и являются св. иконы. Что святые угодники, переселившіеся отъ насъ на небо, всего естественнѣе должны представляться для нашихъ чувствъ въ тѣхъ тѣлесныхъ очертаніяхъ,

¹⁾ Дм. Соснина, о св. чудотворныхъ иконахъ, стр. 59.—Москва, 1849.

какія носили они, живя на землѣ,—это едва ли нужно доказывать. Но мы имѣемъ всѣ основанія представлять чело-вѣкообразно и само безконечное Существо Божіе, такъ какъ Единородный Сынъ Божій, образъ Ипостаси Божіей, вмѣстивъ въ Себѣ всю *полноту Божества тѣлеснаго*, явилъ людямъ Бога, Котораго *никто и нигдѣ не видалъ* (Іоан. 1, 18), и тѣмъ далъ намъ возможность изображать Его подѣ видомъ челоувѣческимъ.

Представляя нашему чувственному взору изображенія лицъ міра невидимаго, св. иконы возбуждаютъ въ душѣ нашей духовные образы этихъ лицъ, представляютъ ихъ какъ бы сопresentствующими намъ и вызываютъ всѣ тѣ чувства, какія могло бы возбудить непосредственное, живое общеніе наше съ небожителями. Любовь, благоговѣніе, радость, прошеніе, благодареніе—все это изливается передъ иконами съ такою же почти степенью живости и силы, какъ бы въ непосредственномъ присутствіи самихъ изображенныхъ на иконахъ. „Пояснить это легко нѣкоторымъ подобіемъ. Портреты дорогихъ намъ лицъ не служатъ ли пособіемъ для нашей памяти и воображенія и не возбуждаютъ ли въ насъ такой силы чувства, что, смотря на нихъ, мы иногда какъ бы забываемся, начинаемъ при посредствѣ ихъ видѣть лицъ, на нихъ изображенныхъ, бесѣдовать съ ними, оказывать имъ знаки любви и уваженія, какъ бы они находились передъ нами? Цѣлуя портретъ дорогаго существа, кто когда-нибудь думалъ, что онъ цѣлуетъ полотно или бумагу, а не то лицо, которое онъ любитъ?“¹⁾

Если же св. иконы представляютъ для насъ олицетвореніе существъ міра небеснаго, если черезъ ихъ посредство стремимся мы войти въ живое общеніе съ тѣми, кого не дано намъ видѣть непосредственно; то естественно, что и отвѣтъ на это стремленіе наше изъ міра горняго долженъ идти тѣмъ же путемъ, черезъ тѣ же видимые органы. Не безразличны, конечно, и сами по себѣ свящ. изображенія для лицъ, на нихъ изображаемыхъ, какъ близки для насъ наши портреты, уваженіе или неуваженіе къ коимъ со стороны другихъ людей относимъ мы прямо къ своей

¹⁾ Открытыя письма старосты Исаак. соб. г. Пашкову, стр. 19.

живой личности. Но когда эти изображенія (иконы) дѣлаются центромъ, около котораго сосредоточиваются живыя чувства, желанія и стремленія, идущія черезъ нихъ въ міръ горній,—тогда и отношеніе къ нимъ св. небожителей, понятно, становится гораздо тѣснѣе и ближе и получаетъ въ извѣстномъ смыслѣ характеръ необходимости. Благодатная сила Божія,—дерзаемъ сказать,—и не можетъ не присутствовать и не проявляться въ св. иконахъ, когда всѣ необходимыя условія съ человѣческой стороны, привлекающія и вызывающія ея обнаруженіе, группируются около этихъ именно св. предметовъ. И она дѣйствительно присутствуетъ и нерѣдко обнаруживается яснѣйшимъ образомъ въ знаменіяхъ и чудесахъ, свидѣтельства о которыхъ находимъ мы и въ исторіи и въ современной жизни.

Оправдывая почитаніе св. иконъ на томъ основаніи, что онѣ служатъ необходимыми посредниками нашихъ отношеній къ міру сверхчувственному и вмѣстѣ — проводниками божественныхъ на насъ воздѣйствій, мы собственно доказывали больше, чѣмъ сколько требовалось доказать по прямому смыслу возраженій нашихъ противниковъ. Пашковцы не только не признаютъ св. иконъ орудіями силы Божіей, но рѣшительно возстаютъ и противъ самаго *употребленія* ихъ у христіанъ, прямо приравнивая ихъ идоламъ. Длинный рядъ библейскихъ текстовъ, выражающихъ запрещеніе идолопоклонства и угрозы Божіи идолопоклонникамъ, выставляется здѣсь сектантами противъ нашего догмата ¹⁾. Смыслъ всѣхъ библейскихъ свидѣтельствъ кратко выраженъ во 2-й заповѣди десятословія: „не дѣлай себѣ кумира и никакого изображенія того, что на небѣ вверху, и что на землѣ внизу, и что въ водахъ ниже земли. Не поклоняйся имъ и не служи имъ“. (Втор. 5, 8—9). Едва ли нужно много уяснять, что эта заповѣдь, запрещающая идолопоклонство, не имѣетъ никакого отношенія къ нашему иконопочитанію, ибо между тѣмъ и другимъ нѣтъ ничего общаго по внутреннему смыслу. Какого рода отношеніе къ чувственнымъ предметамъ (идоламъ) имѣетъ въ виду заповѣдь, это ясно видно изъ непосредственно предшествующихъ ей словъ: „Я Господь Богъ твой, который вывелъ тебя изъ

¹⁾ Богослов. Вѣстн., стр. 131 (грѣхъ 7-й).

земли Египетской, изъ дома рабства. Да не будетъ у тебя другихъ боговъ передъ лицомъ Моимъ“ (ст. 6—7). Итакъ, поклоненіе и служеніе кумирамъ запрещаемое 2-ю заповѣдью, есть языческое обоготвореніе ихъ, соединенное съ забвеніемъ Бога истиннаго, съ отреченіемъ отъ Него. Не имѣя понятія о Богѣ въ Его невидимомъ существѣ и наблюдая лишь обнаруженія Его силы въ явленіяхъ нашего конечнаго міра, язычники отождествили самое существо Божіе съ этими внѣшними Его обнаруженіями, раздробили так. обр. идею Единаго на множество и воплотили въ формахъ ограниченныхъ и матеріальныхъ Существо безграничное и безусловно духовное. „Называя себя мудрыми, — говоритъ ап. Павелъ о язычникахъ, — обезумѣли, и славу неглѣннаго Бога измѣнили въ образъ, подобный тлѣнному человѣку, и птицамъ, и четвероногимъ, и пресмыкающимся“ (Римл. 1, 22—23). Опасность увлеченія языческимъ идолопоклонствомъ, съ утратой истиннаго понятія о Богѣ, была слишкомъ близка для евреевъ чувственно настроенныхъ и постоянно вращавшихся среди язычниковъ: она-то и вызывала тѣ многочисленныя угрозы и прещенія Божіи, примѣръ которыхъ видимъ мы во 2 й заповѣди десятисловія. Всѣ случаи дѣйствительнаго преступленія этой заповѣди народомъ еврейскимъ ясно свидѣтельствуютъ, что поклоненіе и служеніе кумирамъ получало у него чисто языческой характеръ и сопровождалось богоотступничествомъ. Въ то самое время, какъ Господь вручалъ Моисею заповѣдь противъ идолопоклонства, вѣроломные люди „забыли Бога, Спасителя своего, совершившаго великое въ Египтѣ, дивное въ землѣ Хамовой, страшное у Чермнаго моря“ (Псал. 105, 21—22), устроили себѣ идола и восклицали: „вотъ Богъ твой, Израиль, который вывелъ тебя изъ земли Египетской“ (Исх. 32, 4). Позднѣе, Героваамъ, царь израильскій, сдѣлавъ двухъ золотыхъ тельцовъ, сказалъ народу: „не нужно вамъ ходить въ Иерусалимъ; вотъ боги твои, Израиль, которые вывели тебя изъ земли Египетской“ (3 Цар. 12, 28). Наконецъ, безчисленныя пророческія обличенія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что, служа, и поклоняясь вещественнымъ изображеніямъ (кумирамъ), евреи дѣйствительно боготворили ихъ и не видѣли уже за ними Бога истиннаго: „осрамили себя домъ Израилевъ, ... говоря

дереву: ты мой отецъ, и камню: ты родилъ меня“ (Иерем. 2, 26—27).

Если теперь сопоставить эти отношенія народа еврейскаго къ идоламъ съ отношеніями православныхъ христіанъ къ св. иконамъ, то никакого сходства усмотрѣть тутъ невозможно; а потому всѣ угрозы и прещенія Божіи, направленные противъ первыхъ, отнюдь нельзя прилагать къ послѣднимъ, (а въ томъ вѣдъ вся суть аргументаціи нашихъ противниковъ противъ иконопочитанія). Иконы, какъ мы уяснили выше, не только не потемняютъ, а наоборотъ — гораздо болѣе просвѣтляютъ для нашего сознанія идею Истиннаго Бога; ибо не въ нихъ мы воплощаемъ эту идею и не на нихъ останавливаемся въ своихъ стремленіяхъ къ богообщенію, а беремъ ихъ только точкою отправленія и опоры для своихъ внѣшнихъ чувствъ, чтобы отсюда вознестись духомъ къ Высочайшему ихъ Первообразу. Молясь и покланяясь предъ иконами, мы молимся и кланяемся не имъ самимъ, а тѣмъ, кто изображенъ на нихъ, отнюдь не смѣшивая и не отождествляя внѣшнихъ, матеріальныхъ изображеній съ духовнымъ существомъ изображаемыхъ; вѣдъ и независимо отъ нихъ стоящимъ. И если черезъ посредство св. иконъ мы иногда ожидаемъ получить (и дѣйствительно получаемъ) явныя обнаруженія милости Божіей къ намъ, то это отнюдь не въ силу какого-либо средства или необходимой (объективной) связи иконъ съ самымъ существомъ Божиимъ, а въ силу лишь нашего къ нимъ отношенія, въ силу нашей потребности имѣть видимое посредство для воспріятія воздѣйствій невидимой силы Божіей. Какъ далеко отстоитъ подобное возрѣніе на иконы отъ языческаго идолопоклонства, — надѣмся — очевидно для всякаго.

Въ самомъ Св. Писаніи легко усмотрѣть ясное различеніе идолопоклонства отъ иконопочитанія. Рѣшительно запрещая вещественныя изображенія въ тѣхъ случаяхъ, когда была опасность идолопоклонническаго къ нимъ отношенія, оно прямо заповѣдуетъ употребленіе свящ. изображеній тамъ, гдѣ подобной опасности не представлялось. Такъ, Самъ Богъ повелѣваетъ Моисею: „сдѣлай крышку (надъ ковчегомъ завѣта),... и сдѣлай изъ золота двухъ херувимовъ... на обоихъ концахъ крышки... Тамъ Я буду

открываться тебѣ и говоритъ съ тобою надъ крышкою, посреди двухъ херувимовъ“... (Исх. 25, 17—18—22). И далѣе: „сдѣлай полированную дощечку изъ чистаго золота, и вырѣжь на ней, какъ вырѣзываютъ на печати: Святыня Господня... И будетъ она непрестанно на челѣ его (Аарона), для благоволенія Господня къ нимъ (израильтянамъ)“ (Исх. 28, 36—38). По Божію же повелѣнію, Моисей сдѣлалъ и вознесъ на древѣ мѣднаго змѣя, который, по силѣ преобразовательнаго отношенія къ Спасителю міра (Іоан. 3, 14), служилъ источникомъ благодатныхъ исцѣленій для всѣхъ, взиравшихъ на него (Числ. 21, 8—9).—Нѣтъ нужды перечислять другія многочисленныя свидѣтельства Св. Писанія въ томъ же родѣ, такъ какъ и приведенныхъ вполне достаточно для выясненія и утвержденія защищаемой нами мысли. Какъ оказывается, Самъ Богъ въ ветхомъ завѣтѣ избиралъ вещественныя изображенія быть посредниками Его откровеній и орудіями Его благодатныхъ дѣйствій въ людяхъ, и тѣмъ обязывалъ, конечно, народъ свой относиться къ этимъ священнымъ изображеніямъ съ особымъ благоговѣніемъ и почетомъ. А это—все, что нужно для того, чтобы и нашъ православный догматъ о почитаніи св. иконъ, имѣющій такой же точно внутренней смыслъ, считать библейски обоснованнымъ ¹⁾.

Ал. Мартыновъ.

¹⁾ *Примѣч.*— Мы окончили разборъ пашковской рукописи, напечатанной въ „Богослов. Вѣстн.“, Апр. 1892 г. Содержаніе этой рукописи — чисто отрицательнаго характера. Искусственнымъ (и—нужно сознаться—довольно искуснымъ) подборомъ библейскихъ свидѣтельствъ сектанты усиливаются здѣсь отуманить головы простецовъ, поколебать въ нихъ вѣру въ отличительные догматы православія, обвинить Церковь нашу во многихъ тяжкихъ преступленіяхъ противъ Бога и тѣмъ внушить сильное противъ нея предубѣжденіе. Въ намѣреніи вождей пашковщины это отрицаніе православныхъ догматовъ, очевидно, назначено служить лишь предварительной ступенью совращенія въ ихъ секту. Что дѣлаютъ они затѣмъ съ отторгнутыми отъ нашей Церкви членами, какое положительное содержаніе даютъ ихъ религіозному сознанію и чувству въ замѣнъ отвергнутаго православнаго, — объ этомъ нѣкоторыя свѣдѣнія сообщаетъ „Разсказъ нововѣра“, напечатанный въ мартовской и апрѣльской книжкахъ „Богослов. Вѣстн.“ за текущій (1893) годъ.